Почему к анархизму нельзя эволюционировать

Революционное действие

03.11.2017

Оглавление

Эволюционизм антиисторичен 4
Эволюционизм невозможно оценить 5
Просвещение элитарно 6
Анархия — это не кружок 7
Подобное тянется к подобному 8
Проблема роста 9
Что же делать? 9

Данная статья ставит перед собой цель разобраться с одним из самых существенных противоречий в анархистской теории, которое разделило в свое время социалистов и анархистов на два разных политических лагеря. Это вопрос о методах, но методах не локальных и тактических, а о том, как анархисты видят свою стратегию вообще.

В анархическом движении есть разные мнения насчет постепенной эволюции общества к анархизму. В прошлом разногласия в среде революционеров вызывал вопрос: можно ли, придя к власти, привести общество к безвластию. Впоследствии как опыт, так и история, показали, что это невозможно. Сейчас среди анархистов вопрос о достижении цели стоит иначе: можно ли при помощи образовательной и просветительской деятельности развить гражданское общество настолько, что необходимость в государстве отпадет сама собой (или сила гражданского общества станет настолько высока, что социальная революция будет неминуема).

Прежде чем критиковать такую стратегию, необходимо раскрыть ее в разных вариациях, чтобы статья не выглядела как критика выдуманной нами же подхода. Просветительская, культурная и созидательная деятельность являются, по мнению сторонников эволюционистских подходов, главными столпами политической деятельности анархистов. При помощи культурных и околополитических инициатив людям пропагандируют политические идеи или, чаще, концепции (консенсус, экономика дара и др.) без яркой заангажированности в движение, тем самым расширяя аудиторию анархистов за пределы стандартной политической тусовки. Просветительская и образовательная деятельность воспитывает в людях критическое мышление, дает возможность взглянуть на жизнь общества под другим углом. Созидательная же деятельность должна показать людям возможность создания горизонтальных отношений здесь и сейчас: при помощи небольших локальных примеров демонстрировать, что другой мир возможен на практике. Все это вкупе должно постепенно влиять на общество, двигать его в нужном направлении, прививать людям отдельные принципы анархизма, чтобы по итогу должно либо настолько развить гражданское общество, что оно будет готово к революционным выступлениям, либо к анархическому обществу можно будет прийти вовсе без всяких потрясений и войн.

В рамках данной концепции участие в революционных выступлениях не имеет такой значимости, как каждодневный труд активистов на поприще просвещения, а сами революции (кроме социальной) не являются чем-то, что может существенно помочь анархистам в деле распространения анархистских идей. В какой-то мере, значимость революций сторонниками такого взгляда зачастую отрицается вовсе, ведь многие революции делаются людьми не осознающими до конца своих классовых интересов или далекими от полного осознания себя как участника какого-то политического процесса. В большинстве случаев революции являются разрушительными процессами, направленными больше против, чем за, что вызывает со стороны «эволюционистов» упреки в бессмысленности таких потрясений.

Приступая к критике этой теории мы решили выделить несколько подпунктов, подвергая сомнению как общие, так и частные ее положения.

Эволюционизм антиисторичен

На практике, подобные идеи существуют ровно столько, сколько существуют идеи о возможности социальных изменений. Идеи о просвещении «темных» масс и достижения через просвещение нового общества являются классическими для позднего средневековья. В Российской Империи были в свое время распространены кооперативы и даже коммуны, которые ставили пропаганду «реальным примером» своей основной целью. Также есть известные примеры, где практически без кровавого противостояния возникали антиавторитарные эксперименты разного масштаба. От кооператива Мондрагора, до Христиании и Аурвилля. И везде, всюду, где эти эксперименты ставили цель не входить в конфликт (а значит не развивать свой подрывной потенциал), а влиять и пропагандировать примером, они постепенно, часто без всяких конфликтов извне, становились частью той же капиталистической системы, против которой боролись (во всяком случае, на словах). Кооператив Мондрагора, один из крупнейших в мире, уже нанимает наемных рабочих без права голоса. Христиания является обычным кварталом Копенгагена и отличается лишь тем, что в нем живет больше представителей богемы, чем в других районах. Аурвилль стал элитарным клубом для эзотериков, где за возмонность присоединиться требуют денег, а местные труженники стали обычными наемными рабочими.

Все эти провалы в частностях показывают невозможность подобным структурам и организациям развиваться линейно, без вхождения в конфронтацию с государством. Даже, когда идеи о просвещении и реальной практике выходят за рамки отдельных частных случаев и действуют вместе, они все равно не достигают ожидаемого успеха. Всегда и всюду их подстерегают репрессии, насилие, разгром или стагнация и встраивание в общую систему. В связи с тем, что подобные формы организации сами по себе предполагают низкий порог вхождения, публичность, завязанность на легальных способах заработка (кооперативы), то разгромить и задавить такого рода просветительские клубы, кооперативы и бесплатные магазины не составляет никакого труда, если на то будет необходимость.

Собственно, история учит революционеров, что подобная стратегия является карточным домиком, сдуваемым первым же порывом ветра. Если не со стороны властей, так со стороны социальных потрясений. Так это было с довольно эволюционистски настроенным профсоюзом Прямое Действие в Украине во время Майдана. Довольно масштабное движение было настроено на постепенное улучшение жизни студентов и борьбу за их права, но стоило возникнуть революционной ситуации — от самого профсоюза мало что осталось, а наиболее радикальные активисты влились в те общественные силы, которые отстаивали радикальную повестку.

При этом основные права и свободы гражданского общества были достигнуты отнюдь не эволюционными методами, а в ходе кровавых конфликтов и в довольно напряженной борьбе. Всякая попытка отвоевать или даже добиться каких-то прав у государства всегда вызывала конфликт. Просвещение и попытки образовывать широкие массы, когда они были эффективными, всегда натыкались на репрессии (вспомнить хотя бы Франсиско Феррера Гуардию, речь про которого пойдет далее).

В некоторых случаях можно услышать отсылку к событиям в Испании в 1933 годах, что именно образование и школы Феррера и хождение в народ дали тот всплеск рево-

люционных настроений, которые можно было наблюдать в дальнейшем. Но, к сожалению, это является лишь допущением, у которого нет никаких достоверных фактов и доказательств о взаимосвязи некоторых либертарных школ с успехами CNT в последующем. Наиболее яркие и последовательные анархисты, участвовавшие в гражданской войне в Испании выходили явно не из образовательно-просветительной традиции (Дуррути, например) и, во многом, жили либо организацией боевых профсоюзов, стачек, либо экспроприациями и нападениями на эксплуататоров. Остальные же ученики этих школ возможно, и пополнили ряды анархических организаций, но эффективность в этом деле самих школ, работающих по концепции Феррера, стоит под большим сомнением (как минимум потому, что численность CNT-FAI во много раз превосходила возможности подобных школ). При этом в Испания революционные традиции имели свои корни еще до начала образовательной деятельности Феррера, а казнь Феррера была вызвана масштабными выступлениями революционеров всего после 8 лет работы одной единственной школы.

Также «хождения в народ» народовольцами не дали никакого ощутимого результата, несмотря на масштабную по тем временам кампанию. Многих из народовольцев постигло разочарование из-за предрассудков крестьян, многие оказались на суде из-за выдачи революционеров местными жителями. Крестьяне попросту не понимали идей народников. Говорить же об эффекте такой образовательной и просветительной практики не приходится — нет никаких доказательств, что именно хождение в народ, а не социальные и экономические процессы в Российской Империи вызвали в последующем революционную волну.

Подобными логическими проблемами страдают любые исторические примеры, которые приводят сторонники постепенного развития общества и это связано со следующим пунктом критики.

Эволюционизм невозможно оценить

В связи с абстрактными целями, которые ставят в подобной стратегии ее сторонники, оценить успех подобной практики не представляется возможным. Чаще всего можно услышать о «влиянии на общество», «создание действенной альтернативы капитализму» или даже «анархии здесь и сейчас», но при этом совершенно не ясно — как можно оценить успех такого рода деятельности и по каким критериям.

По количеству прошедших через образовательные или просветительские курсы людей? Схожим образом можно было бы оценивать силу политического движения по количеству людей, которые в нем когда-то были, но уже в нем не участвуют. По упоминаниям в СМИ? Но ведь упоминания в СМИ не связано с «образованием» и является сжатым пересказом сути (в лучшем случае) события. По количеству пришедших на культурное событие? Но само по себе событие имеет культурное значение, и количество людей, пришедших на него, не дает никакого представления о количестве людей, заинтересованных в альтернативе капитализму. И так же не дает представления о том, насколько человек проникся антиавторитарными идеями. Даже вовлечение людей в инициативы не может считаться показателем для

подобной практики, если это вовлечение происходит без принятия политических ориентиров анархистов.

К сожалению, чаще всего подобная деятельность вообще никаким образом не оценивается, ее эффективность не изучается, а сама по себе она принимает формат тусовки. Тусовки, существование которой является и оправданием для всех действий — ведь она дает возможность для социализации. Естественно, в подобном формате изучать влияние на общество и успехи за какое-то пройденное время не нужно и даже бессмысленно.

Просвещение элитарно

Сама по себе идея о том, что анархисты могут нести какое-то знание, просто пропагандируя определенные подходы в общественной организации выглядит весьма надменно. Таким же образом многие марксисты считают свою идеологию наукой, которая изучает общество и дает ответы чуть ли не на все вопросы. Все, что не является знанием об окружающем нас мире, то есть не является какими-то фактами, взаимосвязями между фактами и выводами из этих фактов — не является знанием. Предложение проводить собрания методом консенсуса не то же самое, что просвещать, а обычная политическая пропаганда.

Мысль о том, что анархисты могут нести в общество знание о прямой демократии и консенсусе, словно факел в темноте, отдает средневековым пафосом, не соответствующим нынешним реалиям. Сейчас любой вопрос человек может изучить при должном желании, просто используя поисковые системы. Представление о прямой демократии, либертарной педагогике или консенсусе не являются сложным видом знаний, на изучение которых потребуется большое количество времени — чаще всего это краткий набор принципов и рекомендаций. Таким знаниям, в общих чертах, при желании, можно обучиться за час неторопливого чтения. То, что люди не читают об этом, связано совершенно с другой причиной — с отсутствием интереса и отсутствием мотивации для изучения подобных тем. Чтобы побудить человека изучать подобные вопросы, нет смысла открывать образовательный кружок (он ведь все равно туда не придет, как и не потратил 10 минут на поиск в Google), а следует красиво и подходящим образом подать саму идею, чтобы он смог зацепиться и продолжить свое самостоятельное изучение. Благо, информационные технологии это позволяют. Человек не анархист не потому, что он не читал красивых сказок и прелестях будущего анархического общества — вероятно, то, что предлагает анархистское общество в момент социальной стабильности просто человеку может быть не нужно.

Но сама идея о том, что пропаганда подобных подходов является просвещением отдает элитарностью. Создается ощущение, что некоторым анархистам хочется ощущать себя просвещенными людьми, несущими знание «темным крестьянам», не способным ни к чтению, ни к письму. Такая позиция создает и подпитывает иллюзию о существенном отличии анархических активистов от окружающих людей, их определенном статусе «образованных», что зачастую бывает совершенно не так в

широком смысле, а также проводит ложную параллель между уровнем образования человека и его политическими взглядами.

Количество знаний и прочитанных книг не гарантирует человеку ни критического мышления, ни антиавторитарных политических взглядов, потому что вопросы критического мышления и взглядов находятся вне области фактов, а в области ценностей. Ценности человека определяют его направление в изучении знаний. Если человек считает свободу и справедливость чем-то ценным — то и его интерес к прямой демократии, знанию этой темы естественнен для него. Если же человек считает ценностью стабильность, традиционное устройство общества, собственную власть — то и какие-то знания о прямой демократии и консенсусе будут совершенно ему не нужны. И вряд ли очередное упоминание об успехах южноафриканских индейцев в создании горизонтальных связей изменит набор ценностей у человека. Так же и с критическим мышлением: люди часто принимают какие-то убеждения не потому, что полностью в них разобрались и поняли их логическую обоснованность, а потому, что эти убеждения в данный момент времени подходят к их жизненным и ценностным ориентирам. Достаточно посмотреть, например, на количество людей, считающих, что российских войск никогда не было в Украине. Им удобно так считать и наличие противоречащщих этому фактов их нисколько не смущает.

Анархия — это не кружок

Идея о создании анархического общества здесь и сейчас является логической ошибкой, проводящей параллели между локальными проектами по проведению лекций или созданию кооперативов и устройством общества, в котором все решения буду приниматься методами прямой демократии. Очевидно, что между кооперативом для 10 человек и заводом на 1000 человек разверзлась целая пропасть, и то, как будет организован первый, не дает никакого представления о том, как будет функционировать второй. Обмен ненужными вещами в ходе какого-то мероприятия или даже на постоянной основе не является прообразом анархической экономической системы и не отвечает ни на один вопрос о возможной организации антиавторитарного общества будущего. Принятие решений давно знакомыми между собой людьми методом консенсуса не дает возможности говорить об эффективности данного метода среди незнакомых или малознакомых людей в ходе обсуждения насущных проблем, которые перед ними встанут: например, строительства нефтеперерабатывающего завода около их дома. Также такой метод не дает ответа на вопрос о том, как именно будут решаться конфликты и проблемы в будущем либертарном обществе.

Являясь анархистами, мы считаем что цели и методы не должны противоречить друг другу. Неэффективно и бессмысленно создавать авторитарные организации, чтобы добиваться безвластия, также бессмысленно и аппелировать к власти ради анархии. Но при этом создание локальной «анархии здесь и сейчас» является лишь имитацией такого общества и грубым искажением понятия либертарного общества как социальной структуры в глобальном масштабе.

Говоря о том, что «анархическое движение должно быть уже сейчас маленькой анархией» люди делают существенное допущение: как будто вопрос о передаче опре-

деленных книг, например, и времени проведения лекции может быть равнозначен по степени ответственности с решением о строительстве крупных производств, увеличении/уменьшении обязательного трудового дня или распределении ресурсов. Очевидно, что в первом случае группы практически не несут никакой ответственности и последствия могут быть выражены лишь в репрессиях со стороны государства или порицания со стороны товарищей в случае невыполнения своих обязательств (хотя часто даже эта ответственность снимается). Во-втором же случае, последствия будут выражены в необходимости участникам подобных обсуждений лично приводить обсуждаемое в жизнь, тратя свое время, силы и, в каких-то случаях, здоровье в куда большем масштабе. Это так же не жизненно, как сравнивать социальную организацию в африканской деревне и социальную организацию в Нью-Йорке и приводить жителям мегаполиса в пример жизнь в племени бушменов.

Вопрос масштабов подобных экспериментов всегда вызывал вопрос об их природе. Если коллектив, организующий библиотеку может оставаться долгое время незамеченным со стороны государства, то целый регион, захваченный сторонниками прямой демократии, будет всегда находится под угрозой военного вторжения и возникнет только в ходе конфликта с органами центральной власти. Анархические сообщества чаще всего достигают масштабов для приведения в жизнь реальных социальных изменений через конфликт с властью, чаще всего через насилие и жертвы, через вооруженное насилие. А после этого они всегда вынуждены существовать в конфликте с государством , либо влиться в капиталистическую систему и выродиться (примеры мы приводили выше).

Подобное тянется к подобному

Рассматривая же подобные площадки как способ вовлечения людей в анархическое движение необходимо помнить один факт. Люди, приходящие на культурное событие с меньшей вероятностью придут туда с целью заняться политической активностью, а с большей — благотворительной или культурной. Всякое событие, не имеющее определенного политического окраса (и тем самым привлекающее людей, не имеющих политических симпатий) привлекает людей именно своим форматом, а не теми идеями, которые скрытно или неявно пытаются там донести до пришедших. Бесплатная ярмарка или курсы обучения по принципу «равный-равному» имеют такой же потенциал по вовлечению в анархическое движение, как и курсы кройки и шитья или создание баскетбольной команды.

Эта проблема переносится на все площадки, которые порой кажутся удобным способом пропагандировать наши идеи неявным способом — от околофутбола до благотворительности. Если такая деятельность имеет успех, то в итоге анархисты сталкиваются с ситуацией, когда сама суть этой деятельности начинает входить в противоречие со скрытой пропагандой. Для того чтобы организовывать какие-то благотворительные акции не нужно быть анархистом и сама по себе деятельность к этому не предрасполагает. В итоге множество усилий уходит на работу с людьми, которые с большой вероятностью не станут политическими активистами.

При этом, нельзя сказать, что подобные площадки не нужны. Они нужны и являются очень полезными в поиске товарищей и сторонников. Вопрос стоит лишь в разумности и эффективности вложенных усилий, а также постановке цели. В каких-то ситуациях политическим активистам разумнее и проще пользоваться существующими площадками, в которых могут находится потенциально заангажированные люди, чем тратить силы и время на создание своих, особенно если эти площадки имеют крайне посредственное отношение к политике и не предусматривают по своему формату особого вовлечения в политические дискуссии или деятельность.

Проблема роста

Сама идея о постепенном росте анархических настроений, постепенно набирающих силу во враждебном окружении кажется крайне наивной. Даже если исключить репрессии и связанные с ними издержки, нужно помнить и понимать, что окружающая нас система обладает куда большими возможностями по пропаганде своих ценностей и идей, и уж тем более обладает большими возможностями с точки зрения образования, а также по подавлению политических противников. При попытке «честно конкурировать» за влияние на общество со СМИ и государством, в выигрыше окажутся именно СМИ и государство. Просто потому что у них больше ресурсов, есть деньги на зарплаты своим работникам и есть профессиональные специалисты. Считать, что небольшая группа активистов, действующая в свободное время, может обойти по влиянию эти самые СМИ — крайне наивно, и реальность быстро опровергает подобные заблуждения.

Что же делать?

В конце нашего критического обзора стоит дать свою альтернативу, которая входит в противоречие со стратегией сторонников «анархизма просвещения». Мы не считаем, что большинство людей имеют авторитарные политические взгляды от недостатка образования или знаний, хотя иногда бывают и такие ситуации. Не всегда это связано даже с отсутствием критического мышления или обманом со стороны СМИ и государственной пропагандистской машины. Чаще всего, ценности человека располагают его определенным образом по отношению к реальному миру и явлениям в нем. Человек будет настойчиво отрицать идею равенства, если сам себя в будущем он видит миллионером. Переубедить его в том, что его идеи неверны смогут (и то не факт) не какие-то знания или определенное образование, а лишь собственный болезненный опыт и собственное разочарование в подобных жизненных целях при столкновении с реальностью.

Исходя из этого, революционные анархисты делают вывод о том, что влияние на массы у революционеров может появится только в ходе социальных катаклизмов, когда люди не могут или категорически не хотят жить по-старому, но еще не умеют жить по-новому. Маргинализируясь, массы становятся крайне открыты для радикальной пропаганды, в том числе и для анархических идей. Даже протесты весной

доказали, что в ходе народных выступлений и околореволюционных событий анархические идеи становятся куда популярнее, чем во время социальной стабильности. Интересный взгляд по данному вопросу отражен в брошюре «Анархо-синдикализм в 21 веке» британской Федерации Солидарность.

Без подобных событий ожидать роста анархического движения и его влияния наивно и бессмысленно. В редких случаях рост может дать появление близкой социальной базы (например, в виде субкультуры и ее популярности), однако как и социальные катаклизмы, так и появление подобных субкультурных течений нельзя спрогнозировать или ускорить, тем более с имеющимися у анархистов ресурсами.

Вместо попытки влиять на общество в глобальном объеме, куда разумнее было бы пытаться вовлечь в движение тех людей, которые уже симпатизируют анархистам и их ценностям. Лучшим и простейшим способом для этого является постоянная политическая агитация в комплексе с вербовкой на различных площадках. Прямая политическая агитация и символические акции дают возможность привлечь тех людей, которых и будет интересовать непосредственно анархический активизм. При этом такая деятельность создает необходимый образ анархистам, который сам потом является маяком для людей с похожим набором ценностей и форматом мышления. Кроме того, не стоит забывать о своих возможностях, развивая инфраструктуру и ресурсную базу.

И вот для самого движения, для его участников, образование является необходимой составляющей кадрового роста. Это касается как практических навыков и современных технологий, так и анализа текущих событий, изучение исторического опыта, чтобы учитывать его ошибки, развитие умения прогнозировать и планировать. Знание теории должно помочь привлекать склонных к анархистским идеалам людей, но само по себе не способно наделить человека такими идеалами. Поэтому в рамках самого анархического движения образование — необходимый инструмент, работа которого направлена внутрь, на самих анархистов, чтобы они с его помощью лучше работали вовне, а не попытка передать знание как можно большему количеству людей, в надежде, что они станут анархистами.

А вот в революционной ситуации или во время потрясений анархистам следует использовать момент на полную: пытаться распространить свое влияние как можно дальше и шире, вовлекать людей в свою деятельность и организовывать сопротивление, если такая возможность будет существовать. Учитывая опыт Майдана и протестов в Беларуси, можно сказать, что именно в такие моменты радикальные идеи могут стать популярны в обществе, а в некоторых ситуациях (например, победа буржуазной революции) значительным образом укоренить влияние анархистов на определенные слои населения.

Более подробно цели, перспективы, стратегию и обоснование методологии революционных анархистов можно найти в статьях:

1. Люди в черном — коротко о революционных анархистах
2. Перспективы анархизма в Беларуси
3. Акционизм и позиционирование анархистского движения

Завершая критическую часть, необходимо заметить, что эволюционистская трактовка анархизма часто сопряжена с другими мифами, и идет вкупе с ними: например, с идеей интерсекциональности, с легализмом, а также с пацифистскими предрассудками. Подобные идеи дополняют мифологию эволюционистов, а также маскируют логические ошибки, например, если успех подобной стратегии найти не удается, то их сторонники могут сослаться на деятельность правозащитных организаций, ставящих целью дополнение и легализацию определенных слоев населения, и успешно добивающихся этих целей при помощи влияния на государственные институты.

Для нас, как революционеров, очевидно, что единственным реальным способом достичь анархии является подготовка и участие в социальной революции, которая будет не постепенным и долгим процессом эволюции, а радикальным выступлением масс трудящихся с целью достичь прямой демократии и равенства. Все остальное — лишь самообман, который дает ощущение сопричастности, но не дает практически никаких результатов в достижении анархического общества.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Революционное действие
Почему к анархизму нельзя эволюционировать
03.11.2017

Скопировано 10.07.2018 с revbel.org

ru.theanarchistlibrary.org